

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В
ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образо-
вание, магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Сычевой Ирины Игоревны

Научный руководитель
д. филол. н., профессор
Чумак-Жунь И.И.

Рецензент
Преподаватель МБУ ДО « Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЙ И ПРОБЛЕМА МЕЖДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	7
1.1. Понятие и термин <i>политическая картина мира</i> в контексте гуманитарных исследований.....	7
1.2. Политическая картина мира на пересечении дискурсивных формаций ..	13
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ.....	19
2.1. Прагматика обозначения красного цвета в детской поэзии советского времени.....	19
2.2. Концепт «Родина» в поэтических текстах песен советского времени...	28
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В УЧЕБНИКАХ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	56

ВВЕДЕНИЕ

Исходные позиции исследования обусловлены спецификой анализируемого материала: рассматриваются механизмы пересечения дискурсов, при которых дискурс власти использует элементы дискурса поэтического. Методологическим основанием является интерпретация: дискурс – текст в событийном аспекте, рассматриваемый как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), то есть текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [Арутюнова 1990: 136]. Это понимание дискурса даёт уникальную возможность анализировать взаимодействие разнородных по стилистике и по прагматике текстов, погружённых в единую культурную среду.

Этим и определяется **актуальность работы**.

Объектом является язык поэтических текстов советского времени.

Предметом – языковое представление идеологической картины мира в поэтических текстах советского времени.

Цель работы – выявить лингвистические особенности отражения политической картины мира в поэтических текстах советского периода.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1) определить понятие *политическая картина мира* и смежного с ним *политический дискурс*, выявить основные характеристики поэтического и политического дискурсов и особенности их взаимодействия;

2) выявить поэтические тексты советского времени, в которых явно прослеживается влияние политической картины мира;

- 3) определить прагматические факторы, которые предопределили изменение поэтического текста под влиянием политической картины мира;
- 4) описать экстралингвистические факторы, которые воздействуют на трансформацию коцептосферы поэтических текстов советского времени;
- 5) раскрыть роль идеологически маркированных поэтических текстов в формировании мировоззренческих установок.

Научная новизна исследования определяется рядом факторов. В работах, посвященных функционированию отдельных лексем в художественных текстах, анализу подвергаются, в основном, лексемы, имеющие идеологический компонент в значении. В магистерской диссертации исследуются возможности политического дискурса, который оказывает воздействие на коммуникативное сознание посредством поэтического текста. Подобные инструменты воздействия оказываются очень важными не только в реализации художественных идей автора, но в формировании образа *своего-чужого* в политической картине мира. Новизна исследования определяется также детальным анализом текстов учебников советского времени, которые демонстрирует стратегии дискурса власти относительно формирования политической картины мира «будущих строителей коммунизма».

Материалом исследования послужили поэтические тексты из периодических изданий советского времени – из детских и юношеских газет и журналов, сборники песен советского времени, учебники для чтения в дошкольных учреждениях «Родничок» (Киев: «Радянська школа» 1980) и учебник для второго класса четырехлетней начальной школы «Родное слово» (Москва: «Просвещение», 1989).

Для реализации поставленных задач использовались несколько исследовательских **методов** – наблюдения, описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный, метод компонентного анализа, а также количественная обработка языковых данных, функционально-семантический анализ, приёмы классификации и систематизации.

Теоретическая база работы – исследования лингвистов в области дискурсивного взаимодействия: Н.Д.Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Л.В.Балашовой, М. Блэка, В.К. Гака, Д.О. Добровольского, Г.Н. Скляревской; в области семантики текста – И.В. Арнольда, М. Бирвиша, А. Вежбицкой; в области языка поэтического текста – С.Ф. Гончаренко, В.П. Григорьева, Б. Ларина, Н.В. Черемисиной, И.И. Чумак-Жунь; в области изучения языковой картины мира и культуры – Н.Ф. Алефиренко, М.М. Маковского и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэтический дискурс является социальным феноменом, который, реализуясь в коммуникативной среде, испытывает влияние самых разнообразных экстралингвистических факторов, в частности, воздействие дискурса политического.

2. Одним из значимых инструментов дискурсивного воздействия является символическая политика – система средств влияния на получателя для создания необходимой идеологической картины мира.

3. Экстралингвистические факторы могут по-разному воздействовать на поэтический дискурс – как косвенно, например, вследствие изменения (идеологизации) семантики слова, которое включается в агитационные тексты, так и прямо – через использование в тексте идеологически окрашенной лексики и изменения структуры отдельных концептов.

4. В поэзии советского времени происходит трансформация концептосферы. Так, представление о святой Родине – Руси, России в «идеологически заряженных текстах» сменяется представлением о Советской Родине, имеющей соответствующую атрибутику.

5. Под влиянием политического воздействия нередко видоизменяется основная функция поэтического текста – традиционная эстетическая трансформируется (дополняется) в дидактическую.

6. Поэтическая рефлексия по отношению к политической ситуации занимает разное место в идиолектах поэтов советского периода. Особенно

значима для формирования массового коммуникативного сознания идеологизация поэтических текстов детской литературы.

Основные цели и задачи обусловили **структуру** диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, приложения.

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены цели, задачи и методы исследования, описан материал исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту, а также данные об апробации работы.

В **первой главе** освещаются теоретические положения по проблемам исследования, обосновывается терминологический аппарат и принципы описания. Определяется понятие *политическая картина мира*, описывается влияние политического дискурса на дискурс поэтический, даётся обзор литературы по теории междискурсивного взаимодействия, рассматриваются особенности использования идеологизированной лексики в поэтическом тексте. Разрабатывается алгоритм выявления особенностей трансформации текстов поэтического дискурса под влиянием политического. Проводится количественный анализ, на основе которого определяется рейтинг частотности употреблений идеологически окрашенной лексики в поэтических текстах советских авторов.

Во **второй главе** описаны конкретные лингвистические факты влияния политической картины мира на поэтический дискурс.

В **третьей главе** рассматриваются тексты из учебников для младших классов, в которых активно используются лексемы, идеологически коннотированные.

В **заключении** представлены результаты работы, излагаются основные выводы, обобщаются наблюдения, сделанные в диссертационном исследовании, а также определяются перспективы дальнейшей работы в русле данной тематики.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЙ И ПРОБЛЕМА МЕЖДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1. Понятие и термин *политическая картина мира* в контексте гуманитарных исследований

Введенная более ста лет назад в научно-исследовательское пространство естествознания для обозначения образа физического мира и его закономерностей номинация-метафора междисциплинарного плана «картина мира» [Губский 2003; Некрасов 2010 и др.] в настоящее время используется практически во всех областях познания. Это не только область природы, но и социум и его институты, регулирующие отношения людей, а также сам человек и его внутренний мир [Маслова 2011]. Более того, при соотношении научной и наивно-бытовой картин мира [Урысон 1998] речь заходит уже и о религиозной картине мира – об ипостаси образа мироздания как творения Господа, о той сфере трансцендентного и неосознаваемого, которую целесообразнее считать областью *Terra incognita* и познание которой определяется принципом креационизма [Галиева 2014: 57].

Понятие и термин «политическая картина мира» возникли на рубеже XX и XXI вв. в связи с активной разработкой методологии антропоцентрического исследования образа окружающего мира в той области его познания, которая связана с политикой. На уровне популярного научного знания политика – это, с одной стороны, «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями», а с другой – «вопросы и события общественной, государственной жизни»

[Ожегов, Шведова 1994: 545]¹. Аристотель еще в 1 веке до Р.Х. видел цель политики в создании государства (полиса), которое стало бы формой человеческого общежития, способствующего достижению жизненного счастья [Аристотель 1983].

Понятно, что основной характеристикой любой картины мира, *в том числе политической*, является ее когнитивный ракурс, связанный с познанием мира под определенным углом зрения. Далеко не случайно именно аспекты когниции определяют направленность многих теоретических трудов в области изучения политической картины мира, выполненных в научно-исследовательском поле общественных наук – собственно политологии [Самаркина 2013 и под.], философии [Иванов 2012 и под.], социологии [Терехова 2012 и под.], политической журналистики [Мансурова 2003 и под.]. Отдельно следует рассматривать при этом психологический ракурс когнитивно-познавательной деятельности, направленной на создание политического образа мира, поскольку именно механизмы, лежащие в основе психологической и коммуникативной компетентности субъекта политики, во многом определяют уровень его политической ментальности [Маланчук 1998: 5], создавая главную форму политической картины мира – индивидуально-личностную [ср.: Кабановская 2004 и др.]. Это именно та форма, с которой начинается и в которой, в итоге, и воплощается массовое «овладение» идеями и их превращение в «материальную силу». Вместе с тем, поскольку образ действительности, в том числе и политический, непременно имеет не только ментальную, но и знаковую, преимущественно вербальную, форму, думается, что основная заслуга в изучении этого образа принадлежит лингвокультурологии [Брутян 1973; Яковлева 1998; Новикова 2000; Маслова 2001; Буров 2003, Шурыгина 2014 и др.], базирующейся на фундаментальных лингвистических идеях В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984], развитых неогумбольдтианцами [Вайсгербер 1993 и др.] и заключающимися в установлении когнитивного

¹ В наивной картине мира бытует и употребление слова «политика» в значении “образ действий, направленных на достижение чего-н., определяющих отношения с людьми” [Ожегов, Шведова 1994: 545-546]

назначения разных языков, в которых формируются самостоятельные миров`идения, картины мира (в том числе - и политического устройства) и которые – будучи сопоставлены – способствуют осознанию человечеством своей идентичности, общности.

Синтез политики и лингвистики позволяет исследовать законы внутренней динамики политической коммуникации и роль в ней субъективного фактора языковой личности политика [Соколовская 2002; Кричун 2011; Цуциева 2014 и др.]. Отмечается, в частности, что субъект политической картины мира характеризуется синкретичностью: реализация уникальных языковых действий сталкивается с институциональными запретами и нормами поведения [Цуциева 2014: 5].

Развивая идеи зарубежных исследователей 2-ой половины XX века, рассматривавших политическую коммуникацию в качестве такого «процесса передачи информации и убеждений», когда на первый план выходит прагматика ответов на конкретные вопросы, кто говорит, что говорит, кому, по какому каналу и каков результат [Lasswell 1949], современная отечественная наука исходит в оценке эффективности политической коммуникации из рекуррентности а/ реальной политической картины мира; б/ степени адекватности её трактовки субъектом политики, борющимся за власть; в/ вектор корреляции реальности и взгляда на нее политического субъекта в оценочной позиции СМИ; г/ фактора реакции электората, выражающий *VoxPopuli* (голос народа).

Политическая картина мира сегодня исследуется именно как образ, отражающий в речевом пространстве языка социальную ситуацию, интенции субъектов политики и их объектов – сторонников и оппонентов, «скрытые мотивы, сюжетные схемы и логические переходы, бытующие в конкретную эпоху» и открывающиеся благодаря речевому пространству коммуникации [Шапочкин 2012: 59; ср.: Новикова 2016 и др.]. Политическая картина мира – в форме публичных дискуссий и выступлений и дебатов политиков, официальных текстов – постановлений, указов, сообщений, интервью, пуб-

лицистических и научных политологических статей, социальных опросов, рекламных роликов и наружной рекламы и т.д. – вербализует семантические и когнитивные конструкторы, формируя тем самым ценностные ориентации, актуальные для определенного социального периода истории.

Актуальность исследования очерченного круга вопросов уже в течение почти десятилетия доказывает активно функционирующая научная школа политической лингвистики, возглавляемая А.П. Чудиновым и рассматривающая языковую картину политического мира в качестве речевого пространства, которое включает: а/ словарные (лексико-фразеологические) по преимуществу репрезентанты политической концептосферы, включающей ментальные локусы «политической культуры нации», исторически присущие русским «элементы национального политического сознания» и включающие в своей семантике пять компонентов: понятийный, культурно-исторический, образный, ценностный, эмоционально-оценочный; б/ментальные поля («Субъекты политической деятельности», «Органы государственной власти», «Политическая борьба и ее формы», «Политическая агитация»); в/лингвоэтнические стереотипы, идентифицирующие речевое поведение личности носителя языка и характеризующие «свое» и «чужое»; г/ этические ценности, связанные с отношением человека к политике [Чудинов 2009: 43-71].

Благодаря исследованиям А.П. Чудинова и его последователей современные политические процессы, получающие воплощение в дискурсе и формирующие пространство картины политического мира, во-первых, 1) приобретают теоретическое осмысление, обобщение и систематизацию; 2) включаются в коммуникативный диалог ученых и социума, расширяют представление о специфике и векторах проявления самого феномена политической картины мира; 3) доказывают открытый характер этой картины, возможность включения в процесс познания политического мира векторов других картин нашего мира, иных ракурсов его восприятия, например, поэтического.

В свое время Е.А. Евтушенко, активно занимавшийся и политикой, ввел в обиход авторский неологизм *«кабычегоневышлисты»*, образованный от известной поговорки, которая, будучи свойственной русскому человеку и его языку исторически, употребляется в более литературной форме, с начальным **как-**, в речи героя рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре». Персонаж, постоянно употребляющий ее, испытывает страх абсолютно перед любым проявлением жизни и ее динамики. «Кабычегоневышлист» – лексема, способная быть сильной и емкой политической метафорой.

*«Не всякая всходит идея,
асфальт пробивает не всякое семя.*

*Кулаком по земному шару
Архимед колотил, как всевышний.*

*«Дайте мне точку опоры,
и я переверну всю землю!», -
но не дали этой точки:*

«Кабы чего не вышло...»

«Кабы чего не вышло...» -

в колёса вставляли палки

первому паровозу –

лишь бы толкнуть с пути,

и в скальпель хирурга вцеплялись

всех коновалов пальцы,

когда он впервые разрезал

сердце - чтобы спасти.

«Кабы чего не вышло...» -

сыто и мордовито

ворчали на аэропланы,

на электрический свет.

«Кабы чего не вышло...» -

и «Мастера и Маргариту»

*мы прочитали с вами
позднее на двадцать лет.
Прощание с бормотухой
для алкоголика - горе.
Прыгать в рассольник придётся
солёному огурцу.
Но есть алкоголики трусости –
особая категория.
«Кабычегоневышлисты» -
по образному словцу.
Их руки дрожат, как от пьянства,
их ноги нетрезво подкашиваются,
когда им дают на подпись
поэмы и чертежи,
и даже графины с водою
побулькивают по-алкашески
у алкоголиков трусости,
у бормотушников лжи.
И по проводам телефонным
ползёт от уха до уха,
как будто по сладким шлангам,
словесная бормотуха.
Вместо забот о хлебе,
о мясе,
о чугуне
слышится липкий лепет:
«Кабы... чего... не ...».*

(Е. Евтушенко)

В отличие от собственно научного ракурса осмысления политической картины мира, основанного на теоретико-методологическим фундаменте,

философии, экономике, социологии, политологии, психологии, лингвокультурологии, данный ракурс, общегуманитарный, имеющий выход и в план обыденного сознания носителей языка, позволяет увидеть в политике и ее картине тот образ мира, который складывается в индивидуальном сознании члена данного социума, который, выделяясь своими способностями, талантом, умением замечать то, что не видят другие, обращает внимание на очевидные моменты, находящие ассоциативный отклик в сознании окружающих – отдельных людей, а также их групп и объединений, вплоть до партий. Это ракурс представляет интерес в плане исследования **проблемы отражения политической картины мира в поэтическом тексте**, но является предметом дальнейшего исследования.

Мы обращаемся к другому аспекту отражения политического мировоззрения в поэзии – к проблеме влияния политики на коммуникативное сознание посредством поэтического текста.

1.2. Политическая картина мира на пересечении дискурсивных формаций

Специфической (и специальной) формой отражения политической картины мира является политический дискурс – институциональная дискурсивная формация, одна из задач которой – формировать мировоззренческую составляющую коммуникативного сознания.

Языковой статус политической картины мира очевиден. Далеко не случайно одной из первых работ в плане систематического её изучения в отечественной науке стало исследование политического дискурса, рассматриваемого в качестве двупланового знакового образования: с одной стороны, текста, вербализующего ситуацию конкретного политической общения, а с другой – всю семиотическую систему обслуживания политической коммуникации [Шейгал 2000]. Функции данного дискурсивного образования, которое

обобщает пласт коммуникации людей, ставящих своей целью борьбу за власть, заключаются в интеграции и дифференциации «агентов политики», формировании конфликтно-консенсусных ситуаций, решении вербальных акциональных задач, создании реального текстового и метатекстового «поля политики», манипулировании сознанием политических лидеров и масс [там же].

Манипулирование сознанием масс, о котором сказано выше, реализуется в различных формах и имеет различные каналы распространения. Помимо самого доступного, известного, эффективного и динамичного – канала публицистического – дискурс власти мастерски использует в качестве канала коммуникации и тексты художественного дискурса. Особенно плодотворно в тотальной манипуляции общественным сознанием использование поэтического дискурса, так как короткие стихотворения (одна из наиболее распространенных поэтических форм) вследствие специфической просодической и ритмической организации хорошо запоминаются и устойчиво фиксируются сначала в индивидуальном, а затем, при соблюдении определенных условий распространения, – и в массовом сознании.

Языковая личность, играя в жизни различные социальные и культурные роли, являясь, соответственно, участником различных социальных процессов, прямо или опосредованно, как автор и адресат, параллельно или последовательно (по отношению к различным дискурсам), включается или может включаться в разнообразную дискурсивную деятельность. Так как, несомненно (об этом писали многие ученые), – главная цель дискурса власти – борьба за власть же, то есть стремление к идеологическому контролю над сознанием и языком, то его идеологам очень важно привлечь на свою сторону как можно больше участников, в том числе из числа адресатов поэтического дискурса. В силу традиции поэтический дискурс представляет и выявляет способ познания и переживания мира человеком того общества, в котором живёт автор. И политический дискурс в лице его апологетов стремится воздействовать на индивидуальное или массовое сознание читателей для того,

чтобы это общество представляло для адресата «свой мир». Считается, что поэзия, по крайней мере в своих лучших (эстетически совершенных) образцах, предполагает творчество, свободное от утилитарной конкретности и прагматических целей. Оно связано с преодолением необходимости и освобождением от природного и социального принуждения. Можно согласиться с Е.И. Шейгал, что цель художественного дискурса – творческое самовыражение личности [Шейгал 2000: 26].

Именно поэтому традиционно политический и поэтический дискурс противопоставляются.

Для того чтобы контролировать тексты поэтического дискурса у дискурса власти существуют определенные инструменты влияния на предмет лояльности действующей власти. В первую очередь, это цензура как инструмент влияния на поэтический текст. Если у политического дискурса и у поэта совпадает цель, то текст доходит до адресата без изменений (рис. 1).

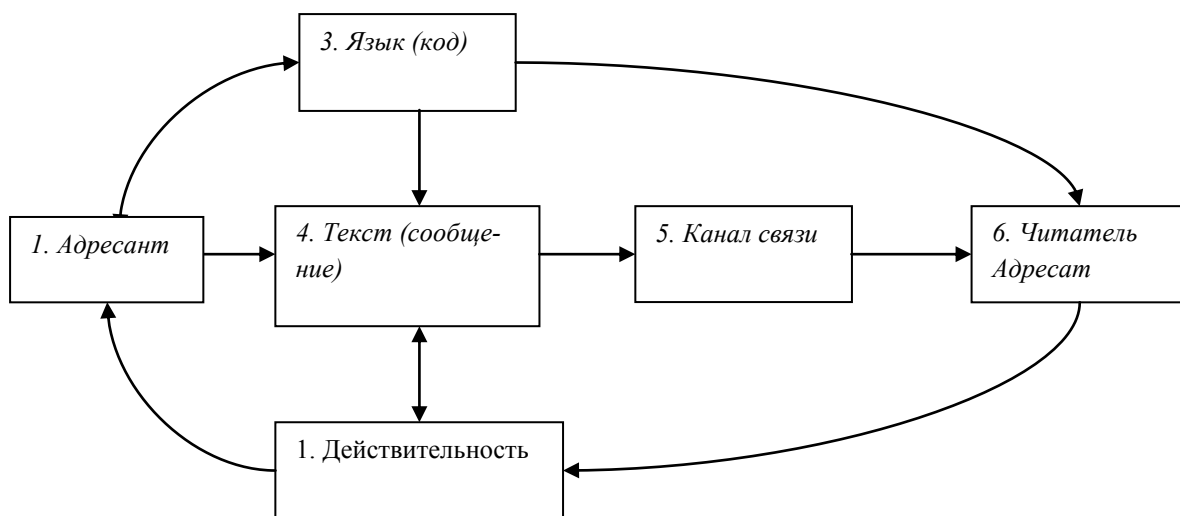

Рис 1. Модель коммуникации по Р. Якобсону

Если рассматривать отношение поэтического и властного дискурсов с точки зрения коммуникативно-прагматических составляющих, то скорее, можно говорить о противопоставлении. По отношению к социально-ролевой позиции говорящего (адресанта), они различаются как личностно-ориентированный (или персональный) поэтический дискурс, где поэтическая языковая личность выступает во всём богатстве своего внутреннего мира, и

статусно-ориентированный институциональный дискурс власти, где адресант придерживается отведённой ему социальной роли (институциональные дискурсы В.И. Карасик называет «коммуникацией в своеобразных масках» [Карасик 2000: 11]). В литературоведческой традиции это противопоставление представлено как оппозиция Поэт и Власть.

Противопоставлены и такие важные когнитивно-прагматические составляющие дискурсов, как цели и ценности участников.

Ценности. Основным концептом политической концептосферы, который организует политический дискурс, является концепт «Власть». Анализ понятийного ядра концепта «Власть» выявил такие его базовые составляющие, как «господство (доминирование), право, контроль (способность контролировать), сила, влияние, принуждение, авторитет» [Шейгал 2000: 93]. Формируя необходимые идеологические коннотации и положительную эмоциональность по отношению к данному концепту, дискурс власти собственными языковыми средствами пытается навязать адресату свое мировидение. Политическая коммуникация не только передаёт информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира.

Параллельно с языком дискурса власти, то есть языком государственной идеологии, существует язык поэзии, обладающий огромной воздействующей силой на читателя, являющегося одновременно и адресатом дискурса власти. Ср.: «Поэзия – высшая форма языка, наше ... генетическое отличие от зверей. Поэзия как язык противостоит языку государства» [Бродский 2000: 663].

Коммуникативный код. Различается и коммуникативный код, который используют адресанты. С одной стороны, – это поэтический идиолект, который «выступает как порождающий поэтический мир, и структурные связи внутри поэтического мира отвечают связям внутри функционально-ориентированной системы поэтического языка» [Очерки... 1990: 40], во втором случае – политический социолект – речь (письменная или устная) груп-

пы людей, объединённых идеологическими ценностями и установками, которые выражаются определёнными лингвистическими средствами в разных коммуникативных ситуациях.

Осознавая себя управляющей системой, дискурс власти стремится контролировать этот параллельный поэтический мир, в первую очередь тексты, в которых представлен поэтический концепт «Власть». Контроль этот может осуществляться в различных формах – это может быть оппозиция дискурсов (в том случае, когда дискурсивные интенции не совпадают), это может быть взаимопроникновение дискурсов, имеющих общие цели (так называемый социальный заказ), это может быть, наконец, использование элементов поэтического дискурса в собственных дискурсивных практиках.

Дискурс власти формирует ценностную картину мира адресата, при этом он осуществляет осознанный выбор механизмов воздействия речи и использует адекватный арсенал языковых средств, что позволяет говорить о символической политике, под которой понимается «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определённых способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова 2011: 106].

Целью политического дискурса, по Е.И. Шейгал также является и формирование ценностной картины мира адресата с направленным использованием художественных произведений, никак не связанных с политикой. В советское время идеологически ценностная информация передавалась, в первую очередь, такими средствами символической политики, как агитация и пропаганда, которые предполагали использование таких форм, как 1) митинги, собрания и агиткампании; 2) государственные праздники; 3) газеты и пролетарскую поэзию; 4) организацию городского пространства [Киселёва 2011: 18-21]. Так как первые две формы преимущественно существовали в разновидностях устной речи, то имеет смысл анализировать формирование идеологических концептов в таких жанрах, как массовая песня, плакаты и лозунги. Всё наше хаот и поносят... барбосы лают, ветры носят!

Выводы из главы 1

Исследование показало, что в настоящее время политическая картина мира исследуется как образ, отражающий в речевом пространстве языка социальную ситуацию, интенции субъектов политики и их объектов, открывающиеся благодаря коммуникации.

Языковая картина политического мира включает в себя словарные репрезентанты политической концептосферы, ментальные поля, лингвоэтические стереотипы, этические ценности и является объектом воздействия власти, а также совокупности экстралингвистических факторов.

Специфической (и специальной) формой отражения политической картины мира является политический дискурс – институциональная дискурсивная формация, одна из задач которой – формировать мировоззренческую составляющую коммуникативного сознания.

Манипулирование сознанием масс реализуется в различных формах и имеет различные каналы распространения, включающие кроме публицистического канала, в том числе и тексты художественного дискурса. Особенно плодотворным в тотальной манипуляции общественным сознанием является использование поэтического дискурса.

Для того чтобы контролировать тексты поэтического дискурса на предмет лояльности действующей власти, у дискурса власти существуют определенные инструменты. Это может быть оппозиция дискурсов (в том случае, когда дискурсивные интенции не совпадают), это может быть взаимопроникновение дискурсов, имеющих общие цели (так называемый социальный заказ), и использование элементов поэтического дискурса в собственных дискурсивных практиках.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

2.1. Прагматика обозначения красного цвета в детской поэзии советского времени

Для того чтобы определить особенности функционирования цветообозначения красный в творчестве детских поэтов начала XX века, необходимо описать собственно лингвистическое явление – расширение семантики лексемы *красный* семантемой *революционный*. Наблюдаемое изменение прагматического блока лексического значения обусловлено, с одной стороны, идеологическими установками того времени, а с другой, связано с ценностным восприятием цвета, закрепленным исторической памятью коллектива. Проблема, к которой мы обращаемся в работе, предполагает «обосложненность» описания лингвистического явления разноплановыми «нелингвистическими факторами» – социальными, коммуникативными, культурными, когнитивными. Это позволяет утверждать, что мы имеем дело с исследованием дискурса, вернее, с междискурсивным (интрадискурсивным) исследованием.

Смена социального субъекта является условием формирования идеолого-символической коннотации лексемы *красный*.

Расширение семантики лексемы красный связано с причинами идеологического характера. Одной из задач любой власти является формирование в коммуникативном сознании мировоззрения, соответствующего ее (власти) идеологии. Обязательным условием достижения этой цели является формирование отдельной коммуникативной личности как обобщенного носителя необходимых для власти культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций.

Традиционно основным концептом политической концептосферы, который организуется и контролируется в коммуникативном сознании политическим дискурсом, является концепт «Власть». Формируя необходимые идеологические коннотации и положительную эмотивность по отношению к данному концепту, дискурс власти собственными языковыми средствами пытается навязать адресату свое мировидение. При смене социального субъекта, соответственно, идеологических установок, дискурс власти осуществляет осознанный выбор механизмов воздействия речи и использует адекватный арсенал языковых средств. Это позволяет говорить о символической политике, под которой понимается «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [Поцелуев 1999: 62].

Наиболее ярким, выразительным и наглядным примером смены социального субъекта предстает сегодня история России начала XX века – периода Октябрьской революции. Радикальная и бесповоротная смена власти потребовала новых форм символической политики, которые формировали бы в сознании получателя необходимую картину «нового мира». В период революционных событий место концепта «Власть» как базового идеологического концепта занимает концепт «Революция», так как именно революция (как воплощенная форма сопротивления неравенству и несправедливости) является оправданием действий новой власти, а революционные карнавалы «позволяют консолидировать нацию». Происходит смена ценностей старого мира. О карнавализации революции писал А.А. Аверинцев: «...В 20-е годы, чем не карнавал – суд над Богом на комсомольских собраниях? Сколько было молодого, краснощекого, физкультурного смеха, пробовавшего крепкие зубы на ценностях «старого мира»! Сельский крестный ход мог быть подвергнут с высоты колокольни тому самому, чему в «Гаргантюа» (кн. I, гл. 17) герой подвергает парижан. Чего-чего, а «карнавальной атмосферы» хватало» [Аверинцев 1980].

Формируется новая картина мира. Новой власти требуется новая мифология; мифология, воплощенная в образе революции, обретает соответствующую символику, один из главных элементов которой – цветопись (так, мы видим современные примеры – оранжевая, желтая революции, революция роз, триколор). Революция окрашивает свои знамена в новые цвета, отвергая прежнюю колористику, и это правило практически не знает исключений.

Выбор красного цвета обусловлен множеством факторов, и в этом случае, как обычно, «идеология эксплуатирует уже концептуализированные явления, частично изменяя структуру их ментальной репрезентации путём внесения новых ассоциаций или отсекация старых» [Слышкин 2004: 88]. Красный цвет как колер российской революции обоснован:

– эстетически: этот чистый, насыщенный и яркий цвет испокон веков представлял особую ценность для русского коммуникативного сознания. В прилагательном *красный* просвечивается его внутренняя форма – исторически исходным было значение 'красивый, хороший'. В русских словарях дореволюционного периода слово *красный* фиксируется преимущественно в двух значениях: 1) в значении цвета (колористическом) и 2) в значении, «вскрывающем» внутреннюю форму слова – 'красивый' [Даль 1998];

– символически: эталоном, «прототипическим референтом» [Вежбицкая 1996] красного цвета, судя по словарным толкованиям, является не только цвет крови, издревле связанный в сознании людей с великими таинствами – рождением и смертью, но и цвет огня. Эти символы удовлетворяли революционным амбициям и оказались очень уместными в революционном перечне: возникло и стало пропагандироваться официальное представление о красном цвете как о цвете крови борцов, погибших за правое дело революции, а известное выражение А. Одоевского *из искры возгорится пламя* «при посредничестве» В.И. Ленина стало огненным девизом Октября;

– культурным контекстом: символика красного цвета – наследие героических традиций Великой французской революции, где красный и белый цвета символизировали две враждебные партии, соответственно, рево-

люцию и контрреволюцию. Выражение *terreur blanche*, связанное с действиями контрреволюции во Франции, сначала переводилось на русский дословно как *белый ужас*, а затем выразительное *terror* было восстановлено в его первоначальном варианте, и возникло выражение *белый террор*. После Октябрьской революции прилагательное *белый* приобрело заимствованное значение «контрреволюционный», с которым оно противопоставлялось слову *красный* – «революционный».

Несомненно, фундаментальные изменения в жизни общества и во всех его сферах, которые последовали за революцией, нашли отражение в языке: выбор красного цвета в качестве символа российской революции начала XX века обусловил появление в соответствующей языковой единице новых смыслов, которые охотно взяли на вооружение ее (Революции) идеологи и апологеты. Новое значение лексемы *красный* – ‘революционный’ включается во все изданные после революции словари XX века, занимая в них лидирующую позицию – после цветового значения. Это, в свою очередь, влияет на массовое коммуникативное сознание. Так, до Революции название центральной площади Москвы – *Красная площадь* – было связано с внутренней формой слова *красный* – ‘красивый’ (*Красная площадь* – красивая площадь), в то время как после Революции значение слова *красный* стало восприниматься как ‘революционный’.

Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира (см. об этом [Чумак-Жунь, 2009]) – этому способствует монополизация права публичного выступления с целью навязывания собственной картины мира. В рамках этой задачи реализуется важнейшая инструментальная функция языка политики – функция мобилизации [Шейгал 2000: 49-50], то есть активизации или организации сторонников. Особенно важна в данном случае мобилизация сторонников из детской и молодежной среды. Именно этот слой общества, который 1) имеет гибкое сознание; 2) исполнен природной энергией, характерной возрасту; 3)

переходит от свойства быть объектом социализации к свойству быть субъектом социальной деятельности, способен стать апологетом навязываемой идеологической картины мира.

Одно из важных заданий дискурса власти – так «перекрасить» цветовую картинку в формирующемся сознании, чтобы цвет, сохраняя эстетическую ценность, определял характеристики базовой для любой идеологии оппозиции *свои/чужие*. Цвет должен был характеризовать *своего*. Важно также было сделать это как можно раньше – в период когнитивной настройки [Кравченко 2001: 209], суть которой заключается в том, что «организм постепенно встраивается в среду, вступая во все более расширяющийся круг разнообразных взаимодействий с компонентами среды, характеризующихся каузальной взаимообусловленностью» [Кравченко 2001: 210]. Именно когнитивная настройка знаменует начало накопления опыта, по мере которого формируется прототипическая сложная репрезентация, или концепт.

Е.С. Шейгал определяет формы, посредством которых осуществляется функция активизации и организации сторонников – 1) прямое обращение (лозунги, прокламации, призывы), 2) создание необходимых эмоций (среди которых любовь, гордость, страх, ненависть, враждебность), и 3) речевые акты, замещающие действия [Шейгал 2000: 49-50]. Так как процесс познания мира начинается с непосредственного чувственного опыта, то есть с восприятия мира органами чувств, важнейшим из которых является зрение, то дискурс власти активно используется все эти формы для создания цветового образа революции. Идеальным инструментом для этого является пресса, что хорошо осознавала идеологи революции. Уже в 20-30-е годы в нашей стране была создана разветвленная сеть детских газет и журналов, перед которыми стояла задача формировать мировоззрение человека нового советского типа, эффективно влиять на развитие личности будущих строителей общества социальной справедливости. Система пионерских журналов, входящая в общую систему воспитания подрастающего поколения в духе преданности делу партии и советскому народу, была разработана в 1922 году на государствен-

ном уровне при активном участии Н.К. Крупской и А.В. Луначарского. Ярким примером прямого обращения к детям является история Гимна пионерской организации – песни «Взвейтесь кострами, синие ночи...», которая впервые была исполнена на большом пионерском слете в Сокольниках, а потом была издана в виде отдельной листовки и большим тиражом распространена по Москве. В 1922 году ее написал по заданию высшего партийного руководства 18-летний А.А. Жаров.

В этом знаковом идеологическом произведении в доминантных текстовых позициях используются лексемы, имплицитно или эксплицитно обозначающие красный цвет. Так, номинация *костры* («Взвейтесь кострами, синие ночи...») включает символическое начало (*костер освещает путь*) и создает яркий цветовой образ, который поддерживается синтагмой *красное знамя*, символизирующей свободу, дух единения и стремления в будущее. Представление о красном цвете возникает в контексте описания праздничного шествия («радостным шагом, с песней веселой», «мы поднимаем красное знамя»), что продуцирует ассоциативный ряд с перцептивными и идеологическими единицами, которые, повторяясь вновь и вновь в тексте гимна-марша, прочно укореняются в сознании: *путь – огонь – пионеры; радость – песня – комсомол; красное знамя – дети рабочих*.

Подобные ассоциации постоянно выступают как средства воздействия на сознание читателя детских журналов. Причем в некоторых случаях индивидуальность начисто стерта: формируется коллективное сознание:

«Он красный галстук носит

Ребятам всем в пример.

Он – девочка, он – мальчик,

Он – юный пионер!»

(С. Михалков)

Окружающий мир сначала воспринимается органами чувств (его либо видят, либо слышат, либо ощущают), затем логически осмысливается, то есть

устанавливаются всевозможные логические связи этого объекта с другими, происходит его категоризация.

О воздействии поэтического ритма на ребенка – суггестия.

Два известных стихотворения С.Я. Маршака – «Красная страница» из цикла «Разноцветные страницы» и «Ноябрь» из цикла «Времена года» – дают представление об особенностях формирования цветовой картины мира у детей дошкольного возраста. В стихотворении «Красная страница» идеологические компоненты в описании мира оказываются в доминантной позиции.

*«Эта страница
Красного цвета.
Красное солнце.
Красное лето.
Красная площадь
Флаги полощет.
Что же на свете
Лучше и краше?
Разве что дети
Веселые наши!»*

(С.Маршак)

Знакомство с красным цветом осуществляется через уже известные, эмоционально и эстетически привлекательные для детского сознания образы (*Красное солнце. Красное лето*). В этот ряд включается, вероятно, новый для малыша, но имеющий важную идеологическую нагрузку образ – *Красная площадь Флаги полощет*. Ценность его не может быть подвергнута сомнению: вопросительный оборот, имеющий аксиологическую модальность (*что же на свете лучше и краше*), подтверждает эту ценность. Важно, что «по эту сторону» используется четко маркированное местоимение *наши* («советские»).

Это познавательный текст, рассчитанный на самый младший возраст, прагматика его, на первый взгляд, предельно прозрачна – освоение колора-

тивной картины мира через поэтический текст, но анализ показывает, что не менее важной задачей текста является передача идеологической информации, обладающей определенной ценностью: красный – ‘красивый’, ‘хороший’, ‘важный’, ‘цвет Родины’, ‘цвет флага’, ‘наш цвет’.

Напротив, в стихотворении «Ноябрь» (из цикла «Времена года») задача идеологического характера – познакомить детей с революционным праздником (первый стих – «День седьмого ноября...») – оказывается на первом плане. Это, вероятнее всего, связано с тем, что календарный цикл ребенок осваивает позже, чем колористику. Поэт практически не предлагает информации об истории, и героях праздника. Он представляет этот день через перцептивное восприятие, причем доминируют положительные эмоции, связанные с красным цветом. Автор заполняет мир революционной символикой, дважды используя местоимение *весь*, обозначающее исчерпывающее количество.

*«День седьмого ноября –
Красный день календаря.
Погляди в свое окно:
Все на улице красно.
Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.
Видишь, музыка идет
Там, где шли трамваи.
Весь народ – и млад и стар -
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!»*

(С. Маршак)

Именно таким образом формируется цветовой фрагмент картины мира ребенка, где лексема *красный* приобретает идеологические смыслы. Революционный праздник представлен как яркий, динамичный день, где преоблада-

ет красный цвет – цвет радости, единства, свободы. Цветообозначение оказывается среди перцептивных маркеров концепта «Родина», «подтягивая» и наши атрибуты, которые вызывают гордость у сопричастных: *красное знамя, красные звезды, красный галстук*. Эти образы эксплуатируются революционной мифологией, становятся символами. Так как самым надежным способом (главным инструментом) передачи информации дискурса власти являются СМИ, то именно этот источник и используется для внушения необходимых идеологических смыслов. Оба стихотворения впервые были опубликованы в периодических изданиях – «Разноцветная книга» в одном из сборников библиотеки «Огонек» за 1946 г., а «Круглый год» в газете «Комсомольская правда» за 1945 год, что вполне соответствовало уже устоявшейся традиции.

Детские политизированные СМИ в начале XX века («Пионерская правда», «Пионер», «Костер») активно эксплуатируют художественное творчество для формирования идеологической картины мира. В них печатаются самые известные и любимые писатели Советского Союза. Показательно в этом отношении творчество уже упомянутого С.Я. Маршака, который публиковал стихи в детской прессе с 20-х по 50-е годы XX века. В целом ряде программных для нашего советского поэта текстов фразеологизированные сочетания со словом красный с практически выхолащенной перцепцией служат уже лишь выразительными знаками нового мира. Лексема красный практически утрачивает цветовое значение, она служит идеологическим целям дискурса власти. Активно используется идеологическая символика и красный доминирует.

Красный цвет в оппозиции «свой - чужой» должен быть занять позицию своего. Красная армия – белая гвардия. Красное знамя – царский триколор. Красная звезда – царский орел.

Главными инструментами дискурса власти являются СМИ.

Несомненно, именно это, закрепившееся в коммуникативном сознании, восприятие красного цвета (см. у Даля: ‘красивый, прекрасный; превосход-

ный, лучший'), легло в основу цветового решения революционной символики (знамя, звезда, пионерский галстук, Красная Армия).

2.2. Концепт «Родина» в поэтических текстах песен советского времени

Особое место в поэтическом дискурсе советского времени занимают стихотворения, денотативная структура которых связана с описанием Родины. Именно стихотворения этого денотативного ряда во многом определяют особенности политической картины мира, характерной для определенного общества в определенный временной отрезок, в нашем случае – для советского общества второй половины XX века – от завершения Великой Отечественной войны до распада Советского Союза. Именно в это время в языке официальных советских источников закрепляется новояз, то есть, по Джорджу Оруэллу, «язык тоталитарного общества, изуродованный партийной идеологией и партийно-бюрократическими лексическими оборотами» [Черемохина 2015: 83]. Новояз – это казенный язык, в котором слова нередко настолько утрачивают значение, что иногда обозначают противоположное (вспомним, например, известную шутку: «СССР – родина слонов»).

На фоне новояза, представленного преимущественно в официальной прессе, в послевоенной литературе (50-х – 60-х годы) наблюдается всплеск гражданской поэтической активности, связанный как с разоблачением культа личности, так и с политической оттепелью. Широкую известность получают произведения, формирующие «в сознании массового получателя идеологическую составляющую концепта «Родина», не совпадающую с официальной идеологией. Новые произведения А. Твардовского («За далью – даль»), Б. Пастернака (цикл стихотворений «Когда разгуляется»), Н. Заболоцкого («Стихотворения»), Е. Евтушенко («Шоссе энтузиастов») для современников являются литературными событиями. Однако дискурс власти подобного свободомыслия позволить не может. Именно поэтому в коммуникативное со-

знание насаждаются формы так называемой официальной литературы и поэзии, где существуют негласные каноны построения текста. В этих текстах представлен другой – «политкорректный» – образ страны (С. Михалков, К. Симонов, В. Лебедев-Кумач и др.).

Эту официальную литературу, в том и числе и поэтическую, можно считать элементом символической политики, то есть особого рода политической коммуникации, «нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [Поцелуев 1999: 62]. Символическая политика является инструментом дискурса власти. Традиционно к элементам символической политики относят искусственно – на потребу дня – созданные, зачастую креолизованные (стихотворный плакат, художественный фильм с «идеологической начинкой», злободневная телевизионная пародия и т.д.) – произведения.

По отношению к поэтическому дискурсу символическая политика представлена как включение в тексты персонального (личностно-ориентированного) дискурса элементов дискурса институционального (политического). Трансформация текстов обусловлена прагматикой дискурса власти, связанной, с одной стороны, со стремлением сформировать идеологически выверенную картину мира, а с другой – представить образец идеологически своих и чужих для получателей. На основании локальных дискурсивных целей – с учетом условий коммуникации и смыслов, которые говорящий стремится выразить – осуществляется включение идеологически заряженных элементов в текст личностно-ориентированного (персонального, поэтического) дискурса.

Именно в рамках символической политики дискурс власти переориентирует поэтические тексты таким образом, чтобы концепт «Родина» имел исключительно положительную оценочность.

Рассматривая концепт «Родина», необходимо помнить, что это реляционный концепт, в структуре которого обязательно присутствует семантика отношения (Родина должна быть *моя, наша, ваша*). Это значит, что читатель

воспринимает родину как нечто личное, осознает, что у него есть (или нет) Родина, которую он любит. При этом целесообразно вспомнить работы Е.М. Игнатовой, которая указывает, что если в каком-либо языке есть несколько обозначений для выражения понятия «Родина», то, как правило, реализуется противопоставление «малой родины», «лично-своего пространства» [А. Вежбицкая 1996] и «большой Родины» – Отечества как государства [Игнатова 2008: 5].

В концепте «Родина» несомненно присутствует идеологический компонент, связанный с тем, что этот концепт осложнен (в немалой степени определяется) политической историей страны. Реляционный характер концепта определяет увеличение доли идеологического компонента в структуре. В текстах дискурса власти аккумулируются все положительно коннотированные смыслы концепта «Родина», но он претерпевает идеологические переосмысления. Для этого тоталитарным дискурсом используется следующий манипулятивный прием – слово «идеологического вмешательства» помещается «в специальное окружение, что вызывает либо определённый семантический сдвиг, либо создаёт некоторый семантический шлейф, который с этого времени всегда будет сопровождать это слово» [Игнатова 2008: 5]. Объектом манипуляции является получатель информации, рядовой носитель языка. Одним из распространенных манипулятивных приемов являлось тиражирование текстов, в которых представлен соответствующий идеологическим целям дискурса власти образ Родины. При этом при изображении Отечества-государства важным является «ее приближение», то есть изображение в текстах песен малой родины (и ее идеологизация). Этот перенос производится на текстовом уровне. В «идеологически маркированных» текстах реализуются положительные смыслы концепта «Родина», но Отечество представлено не как государственное и политическое образование, а как малая родина.

В советском (по мнению представителей власти, идеологически правильном) дискурсивном пространстве большая и малая родины сливаются в

единую – великую Родину, так как общественное у коллективиста-коммуниста доминирует над личным (это очень наглядно отражается в «Моральном кодексе строителя коммунизма»). Такое слияние привлекательно для представителей дискурса власти еще и тем, что потенциальные семы понятия «малой родины», такие, как ‘семейный’, ‘домашний’, ‘теплый’, ‘уютный’, в коммуникативном сознании переносятся в представления о «родине большой» – о государстве-власти.

Стоит отметить, что подобные манипуляции характерны и для контекстов с обозначениями красного цвета. В стихотворении С.Я. Маршака «Ноябрь» (из цикла «Времена года») при описании революционного праздника также сливаются большое и малое (личное) пространства: *«День седьмое ноября – красный день календаря. Посмотри в свое окно – Все на улице красно»*.

Особенно продуктивен такой перенос в чрезвычайно популярном в народе жанре – в массовой песне. Особенность этого жанра – «общезначимость содержания в сочетании с простотой формы, поэтического и музыкального языка, использование певческих голосов в наиболее употребительных регистрах обуславливают её максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия» [Сохор 1976: 476]. А.Н. Сохор особо отмечает, что массовая песня носит пропагандистский характер: «Поэтические тексты обычно включают агитационные обращения – призывы, которым соответствуют лаконичные, чёткие, броские музыкальные фразы-лозунги (чаще всего в припеве). Массовые песни, как правило, связаны с социальной и национально-освободительной борьбой народа, выражая её идеи и являясь мощным средством организации и воспитания масс» [Сохор 1976: 477]. В стихотворении «Господин «народный артист» (1927 г) о поэзии и песне как об агитационном и пропагандистском оружии В.В. Маяковский: *О «И песня, и стих – это бомба и знамя...»*. Исследователи – филологи и культурологи – неоднократно отмечали значение массовой советской песни для формирования коллективной идеологии. Следует заметить, что дискурс власти в данном

случае умело пользовался имеющимися у него ресурсами – массовая песня о Родине как жанр (произведения на слова В.М. Гусева, М.В. Исаковского, В.И. Лебедева-Кумача, Л.И. Ошанина) возникла преимущественно в 30-е годы. О возникновении этого жанра убедительно пишет в статье «Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери)» Ханс Гюнтер. Он объясняет подъём массовой песни в 30-е годы глубинным сдвигом психомифологического характера. «Новая лирическая песня, как носитель положительных эмоций и вегетативного богатства, уходит своими корнями к русской народной традиции и понимается нами как одна из форм выражения возникающего архетипа матери. Песня моделирует советское пространство именно лирическим образом. Родина, которая образует тематическое ядро массовой песни, освещается с точки зрения сердца. Оттуда все явления предстают родными и милыми. Оптимистические настроения служат кульминацией в самой песне, которая своим лёгким голосом наполняет пространство в широту и в высоту. Родина – это поющее пространство» [Гюнтер 1997: 60].

Именно в советской, так называемой, массовой песне презентуется образ сказочной страны и такого же безупречного народа. Концепт «Родина» становится маркером идеологической благонадежности конкретного носителя языка.

Рассмотрим соотношение слоёв концепта, представленных в подконтрольных дискурсу власти текстах массовой песни.

В описание советской Родины включается смысл ‘большое пространство’. Пространство страны отражает ее величие и могущество, поражая людей. Действия в песенных текстах нередко охватывает всю советскую Россию, однако содержит конкретные «советские маркеры». Так, в стихотворении С. Михалкова благодаря наречию *повсюду* конкретная пространственная реалья «Кремлёвские звёзды» расширяет пространство до космических пределов:

«Кремлёвские звёзды над нами горят,

***Повсюду доходит их свет!
Хорошая Родина есть у ребят,
И лучше той Родины нет!»***

(С. Михалков)

Возвращаясь к описанному выше, отметим, что этот текст, явно адресованный подрастающему поколению советских граждан, включает имплицитные указания на «идеологизированный» красный цвет (*кремлевские звезды, горят*), при этом весь контекст маркирован положительно (*хорошая Родина, лучше нет*).

Эффект разомкнутого необъятного пространства возникает и в хорошо известной любому советскому (а сегодня – и российскому) школьнику «Песне о Родине» В. Лебедева-Кумача, и возникает он благодаря использованию прилагательного *широка* и наречия *много*. Эта пространственная бесконечность – одна из причин любви лирического героя («*Я другой такой страны не знаю Где так вольно дышит человек* »):

***«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».***

(В. Лебедев-Кумач)

Нельзя не отметить, что оппозиционные поэты по-другому представляли пространство «советской Родины». Так, в стихотворении О.Мандельштама оно не связано с народом: *Мы живем, под собою не чуя страны*, а звучание «речей» ограничено в ширину десятью шагами: *Наши речи за десять шагов не слышны* (показательной предстает судьба поэта, поводом к уничтожению которого является именно это стихотворение).

Традиции описания Родины как великой и необъятной сохраняются и сегодня. В измененном тексте гимна России используются практически те лексемы, которые представляли концепт в «Песне о Родине» В. Лебедева-Кумача (это строки не было в советском гимне).

Ср. «От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей»

(В. Лебедев-Кумач)

«От южный морей до полярного края
раскинулись наши леса и поля»

(С. Михалков)

Вообще тексты гимнов представляют собой замечательный образец отражения политической картины мира в поэтическом тексте (особенно если учесть, что тексты были написаны одним поэтом – С.Михалковым).

Так, в версии гимна 1944 года, в отличие от гимна 1977 года, есть упоминания о Сталине, славе народов, счастье, об армии и победах. Однако неизменным является указание на красное знамя, причем в более поздней версии оно представлено как имя собственное (с прописной буквы).

Эпитет *советская*, который в советское же время стал устойчивым по отношению к существительному *Родина*, также постоянно употребляется и в текстах популярных песен:

«Много вёрст в походах пройдено

По земле и по воде,

Но советской нашей Родины

Не забыли мы нигде»

(М. Исаковский)

«А вокруг цвели колхозные поля –

Наша русская советская земля!»

(В. Белинский)

«Здравствуй, наша столица родная!

Здравствуй, сердце советской земли!»

(В. Гусев)

Неслучайным является и «окрашивание» песен в красный, советский колер. В следующем контексте в каждой поэтической строке есть слово, имплицитно передающее красный цвет, который в коммуникативном сознании

уже твердо ассоциируется с советскими реалиями: *красит, Кремль, рассвет*. Наглядно создаваемая в этом тексте идеологическая картина мира, несомненно, представляет нашу родину как эстетически и эмоционально прекрасный край, практически волшебное место (*красит нежным светом, древний Кремль, рассвет*).

«Утро красит нежным светом

Стены древнего Кремля,

Просыпается с рассветом

Вся Советская земля»

(В. Лебедев-Кумач)

Советская символика включается в образную систему песенных текстов. В песне «С чего начинается Родина» в традиционный символический ряд, включающий лексемы *родной дом, песня матери, берёзка*, добавляется сочетание *отцовская будёновка* (в народном сознании – героический образ с вышитой красной звездой), которая в данном контексте, наряду с *окошками, горящими вдали*, представлена как путеводный знак:

«С чего начинается Родина?

С окошек, горящих вдали,

Со старой отцовской будёновки,

Что где-то в шкафу мы нашли».

(М. Матусовский)

«Мы идём вдвоём по Москве родной.

Звёзды над Кремлём светят нам с тобой»

(В. Пухначев)

Иногда идеологизации подвергаются отдельные символы, в советских песнях – это, чаще всего, символ Москвы – Кремль, на котором появились в 30-е годы «советские» звёзды. К этому же значению ‘путеводный’ в следующем тексте добавляется семантика ‘влекущий’, ‘объединяющий’:

«Хорошо на московском просторе,

Святят звёзды Кремля в синеве.

*И, как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве»*

(В. Гусев)

Неизменный атрибут советской Родины – реалии красного цвета, о чем написано выше – определяет перцептивно-сенсорную характеристику Отчизны. Это, в первую очередь, красные звезды и красное знамя:

«Красные звёзды, советские звёзды

В небе высоком видны»

(А. Жаров)

«Поднимем заздравную чашу

За дружное наше житье,

За славную Родину нашу,

*За **Красное Знамя её!**»*

(В. Лебедев-Кумач)

«Здравствуй, Будущее, здравствуй!

Прорвались мы в пределы твои!

*Всей страной под **знаменем красным***

Сквозь лишенья, преграды, бои»

(Е. Долматовский)

В данном случае реализуется внутрисловная синестезия, присущая цветообозначению *красный*, которое передает не только цвет, но красоту, и тепло, присущие Родине, России:

*«Умывает **красно солнышко***

Руки тёплые в росе,

***И Россия**, как Алёнушка,*

Предстоит во всей красе»

(И. Шаферан)

Напротив, в прилагательном *тёплый* реализуется метафорическое аксиологическое восприятие ощущения Родины:

*«А теперь над тобой высоки небеса,
Окна светятся мирным теплом»*

(Л. Ошанин)

*«В стране родной, что славою богата,
Что солнца светит ярче и теплей,
Над каждым домом и над каждой хатой
Взлетают песней стаи голубей»*

(П. Градов)

*«За берёзовой рощей шумливой
Распахнулся простор полевой...
Тёплый ветер гуляет над нивой,
Золотой, золотой, золотой...»*

(В. Харитонов)

Положительный образ Родины, как мы видим создается лексическими и грамматическими средствами – единицами с соответствующей семантикой (лучшая, огромная, непобедимая, ласковая, родная, красивая):

*«Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем всё радостнее жить»*

(В. Лебедев-Кумач)

*«Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех»*

(М. Исаковский)

*«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек»*

(В. Лебедев-Кумач)

Выше отмечалось, что концепт Родина – релятивный. В песнях эта характеристика подчеркивается активным неоднократным использованием местоимений *наша / моя (Родина, земля, Москва, Россия) – «Широка страна моя родная»*.

Этот же прием активно используется и в текстах о «малой Родине»:

*«Пою о тебе я, **Одесса моя!***

Ты - в сердце моём! Ты - всюду со мной!

Одесса – мой город родной!»

(В. Масс, М. Червинский)

«Работающий уральский наш город,

Где и песня, и труд – с огоньком».

(Г. Варшавский)

Проникающий во все сферы речи советский новояз пустил корни и в песенном творчестве. И в песнях о великой, и о малой родине используются сходные стандартные языковые описания, не допускается живая речь в виде окказионализмов или диалектизмов, которые для словесно-художественного творчества в целом характерны. Для официального дискурса в процессе поэтической коммуникации нежелательно использование языковой игры или элементов смеховой стихии, так же, как в любом официальном общении.

Все названные языковые приемы описания большой Родины, Отечества транспонируются в описания «малой Родины». Вновь используются лексемы со значением большого пространства:

«Когда я пою о широком просторе,

О море, зовущем в чужие края,

О ласковом море, о счастье и горе,

Пою о тебе я, Одесса моя!»

(В. Масс, М. Червинский)

«Севастопольский вальс,

Золотые деньки,

Нам светили в пути не раз

Вдалеке маяки»

(Г. Рублев)

На месте эпитета ***советский***, который в описаниях малой родины встречается лишь в описании ***сердца Родины*** – Москвы («*Здравствуй, наша столица родная! Здравствуй, сердце советской земли!*») используются названия «региональных компонентов», символов, знаковых для тех или иных мест, которые практически всегда связаны со Страной Советов:

«Новостроек лесами украшен

От Химмаша до Втузгородка,

Льется песня над городом нашим,

Как весна, звонка»

(Г. Варшавский)

На Малахов курган

Опустился туман

(Г. Рублев)

Выше указывалось, что прилагательное с первичным перцептивным значением – *теплый* – и его дериваты, несомненно, переносно отображают ценностное восприятие ощущения Родины. Этот же аксиологический фон сопровождает и песни о малой Родине:

«Рассвет встает над городом,

Заря, светлым-светло,

И любо все, и дорого,

И на сердце тепло»

(Г.Варшавский)

Таким образом, прием, который использует дискурс власти особенно активно – пропагандирование и тиражирование текстов, представляющих идеологически выдержанный образ Родины. Воздействие-манипуляция в данном случае направлена на рядового адресата – носителя языка.

Одним из действенных средств символической политики (пропаганды), серьезной влияющей на политическую картину мира носителя языка, являлась массовая советская песня, в которой представлен «идеологически правильный» образ Родины.

Будучи представленным в контексте советской массовой песни, оказавшись под определенным семантическим давлением лексических единиц, имеющих идеологическую коннотацию, концепт «Родина» как в описаниях «большой», так и «малой» Родины приобретает смыслы ‘советская’, ‘наша’, ‘справедливая’, ‘дорогая’, ‘необъятная’, ‘могучая’, ‘милая’.

Выводы из главы 2

Для решения поставленной перед собой задачи формирования в коммуникативном сознании мировоззрения, соответствующей идеологии, власть влияет на отдельную коммуникативную личность, формируя обобщенного носителя необходимых культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций.

Традиционно основным концептом политической концептосферы, который организуется и контролируется в коммуникативном сознании политическим дискурсом, является концепт «Власть». Формируя необходимые идеологические коннотации и положительную эмотивность по отношению к данному концепту, дискурс власти собственными языковыми средствами пытается навязать адресату свое мировидение.

Для того чтобы сформировать необходимые идеологические компоненты концепта «Власть», дискурс власти использует элементы символической политики, например, в качестве цветовой характеристики власти, маркирующей своего-чужого, избирается красный цвет. Выбор красного цвета обусловлен множеством факторов: эстетическим; символическим, культурным. Происходит процесс идеологизации лексемы *красный*, которая при советской власти становится элементом символической политики. Изменяется ее сочетаемость, формирующая идеологическую (семантическую) наполненность данного слова. Именно в этом, идеологизированном значении, прилагатель-

ное *красный* включается в текст личностно-ориентированного (персонального, поэтического) дискурса и влияет на массовое коммуникативное сознание, в том числе как элемент поэтического дискурса через публицистический канал.

Эффективным средством формирования политического сознания масс является чрезвычайно популярный в народе жанр – массовая песня. Простая форма, поэтический и музыкальный язык используются дискурсом власти как мощное средство воспитания и организации масс.

Именно в рамках жанра массовой песни власть переориентирует поэтические тексты таким образом, чтобы концепт «Родина» имел исключительно положительную оценочность.

При этом при изображении Отечества-государства важным является «ее приближение», то есть изображение в текстах песен малой родины (и ее идеологизация). Этот перенос производится на текстовом уровне. В «идеологически маркированных» текстах реализуются положительные смыслы концепта «Родина», но Отечество представлено не как государственное и политическое образование, а как малая родина.

Итак, трансформация поэтических текстов обусловлена прагматикой дискурса власти, связанной, с одной стороны, со стремлением сформировать идеологически выверенную картину мира, а с другой – представить образец идеологически своих и чужих для получателей.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В УЧЕБНИКАХ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

В учебниках советского времени широко представлены художественные поэтические тексты, в которых репрезентирован идеологически маркированный концепт «Родина», что вполне обосновано с точки зрения политики существующей в то время официальной власти.

Одна из важнейших задач советской идеологии – вырастить настоящего строителя коммунизма, что отчетливо декларируется в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Для этого необходимо сформировать соответствующую политическую картину мира, для которой, как и для любой картины мира, важно понятная и емкая дифференциация *своих* и *чужих*.

Анализ двух сходных дидактической направленностью книг советского времени – книги для детского чтения в дошкольных учреждениях «Родничок» (Киев: «Радянська школа» 1980) и учебника для второго класса четырехлетней начальной школы «Родное слово» (Москва: «Просвещение», 1989) – показал, что эти книги, изданные большим тиражом в течение десятилетия (80-е годы XX века) в центральных издательствах двух крупнейших республик Советского Союза (Табл. 1), являются важными инструментами формирования политической картины мира советский детей, так как в них используется целый ряд специальных приемов.

Таблица 1

Сравнение отличительных характеристик книг «Родничок» и «Родное слово»

Характеристики	«Родничок»	«Родное слово»
время издания, год	1980	1989
место издания, изд-во	Киев, Радянська школа	Москва, Просвещение
тираж	400000	653000
возраст/адресат	дети от 1 до 7 лет	школьники 2 класса
гриф	Рекомендовано Министерством просвещения УССР	Утверждено Министерством народного образования РСФСР
язык текстов	русский, украинский	русский

Источник: сост. автором

Содержательно разница заключается, в первую очередь, в композиции источников: «Родничок» разделен по возрастным категориям (до 3-х лет; для детей 4-5 лет; 6-7 лет) и по темам, а «Родное слово» адресовано детям 7-8 лет (2 класс) и разделено тематически.

Наше исследовательское внимание направлено на идеологический компонент поэтических текстов для детей. Уже в названиях разделов представлена четко выраженная мировоззренческая составляющая формирования личности (Табл. 2).

Таблица 2

Содержание сравниваемых книг («Родничок» и «Родное слово»)

«Родничок»	«Родное слово»
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ДО 3-Х ЛЕТ Народное творчество Произведения русских писателей Произведения советских писателей	Гимн Союза Советских Социалистических Республик
	Устное народное творчество
	О наших друзьях-животных
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ 4-5 ЛЕТ Народное творчество Детям о В.И. Ленине Родная страна О природе О труде Мир детства	Осень
	7 ноября – великий праздник
	Будь добрым, честным, смелым
	Зима
	Великая радость – работа
	Наша родная Советская Армия
	Международный женский день
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ Сказки Детям о В.И. Ленине Мой край родной, моя земля О природе О героизме и мужестве Все работы хороши – выбирай на вкус Мир детства Первый раз в первый класс	Весна
	Имя Ленина с нами
	Праздник мира и труда
	День Победы
	Наша Родина
	Великие русские писатели

Источник: сост. автором

Поэтически выраженная мысль, обладая большой воздействующей силой, играет важную роль в соединении людей и программировании их пове-

дения. Именно на это ориентирован дискурс власти, когда использует поэтический текст для передачи важной идеологической информации.

При этом политическая коммуникация, преобразуя существующую в сознании человека политическую картину мира [Чумак-Жунь 2009] или формируя её на начальном этапе, стремится не только передать информацию, но и оказать эмоциональное воздействие, – этому способствует монополизация права публичного выступления с целью навязывания собственной идеологии. В рамках этой задачи реализуется важнейшая инструментальная функция языка политики – функция мобилизации [Шейгал 2000: 49-50], то есть активизации или организации сторонников. Особенно важна мобилизация сторонников из детской и молодежной среды. Именно этот слой общества, который 1) имеет гибкое сознание; 2) исполнен природной энергией, характерной возрасту; 3) переходит от свойства быть объектом социализации к свойству быть субъектом социальной деятельности, способен стать апологетом навязываемой идеологической картины мира. Сторонников важно мобилизовать как можно раньше – в период когнитивной настройки [Кравченко 2001: 209], суть которой заключается в том, что «организм постепенно встраивается в среду, вступая во все более расширяющийся круг разнообразных взаимодействий с компонентами среды, характеризующихся каузальной взаимообусловленностью» [Кравченко 2001: 210]. Именно когнитивная настройка знаменует начало накопления опыта, по мере которого формируется прототипическая сложная репрезентация, или концепт.

Показательный пример формирования идеологической картины мира в сознании подрастающего поколения посредством поэтического текста дает советский политический дискурс.

Для формирования соответствующей идеологической картинки, которая постепенно трансформируется в идеологическую составляющую картины мира, дискурсом власти используются такие мощные социокультурные инструменты влияния, охватывающие большое количество адресатов детского и юношеского возраста, как система образования и масс-медиа. При этом

официальная идеология поощряет отдельных представителей художественной литературы участвовать в когнитивной настройке формирующейся личности и постулировании официальных практик властного субъекта эффективными средствами языка поэзии.

Посредством такого идеального инструмента, как пресса, дискурс власти создаёт образ революции. Важность роли прессы хорошо осознавали представители официальной идеологии – уже в начале существования социалистического государства при активном участии А.В. Луначарского и Н.К. Крупской организована разветвленная сеть детских газет и журналов, основная задача которых заключалась в формировании советского мировоззрения, эффективного влияния на развитие личности будущих строителей социализма. Все основные формы, посредством которых осуществляется функция активизации и организации сторонников (по мнению Е.И. Шейгал, это прямое обращение (лозунги, прокламации, призывы), создание необходимых эмоций (среди которых любовь, гордость, страх, ненависть, враждебность), и использование речевых актов, замещающих действия [Шейгал 2000: 49-50]), были использованы в поэтических текстах популярных детских авторов, опубликованных в советской прессе. Ярким примером прямого обращения к детям является история Гимна пионерской организации – песни «Взвейтесь кострами, синие ночи...», которая впервые была исполнена на большом пионерском слете в Сокольниках, а потом была издана в виде отдельной листовки и большим тиражом распространена по Москве. В 1922 году ее написал по заданию высшего партийного руководства 18-летний А.А. Жаров.

Не менее серьезно представители официальной власти отнеслись как к политическому инструменту и к педагогическому дискурсу, причем важно понимать, что они неуклонно использовали систему образования в своих целях на протяжении всех лет существования Советского государства. Это наглядно демонстрирует анализ двух книг для советских детей – книги для чтения в дошкольных учреждениях «Родничок» [Родничок 1980] и учебника

для второго класса четырехлетней начальной школы «Родное слово» [Родное слово 1988]. В этих учебниках, изданных в последнее десятилетие существования Советского Союза, широко представлены поэтические тексты советских авторов, формирующих положительный социалистический имидж, что вполне обоснованно с точки зрения политики существующей в то время официальной власти. Показательно то, что эти книги изданы большим тиражом в течение десятилетия (80-е годы XX века) в двух центральных издательствах крупнейших республик Советского Союза.

Так, в книге «Родничок» в каждом возрастном отделе присутствует часть специально подобранных произведений, предлагающих не только знание об окружающем мире, но и о социуме, о правильных поведенческих моделях – хорошо, когда ты любишь свой край, свою Родину, хорошо быть отважным, усердно трудиться, любить и уважать вождя, помнить историю. Те же прагматические модели характерны и для «Родного слова». К уже сформированным образам и моделям добавляются понятия о революции и об армии как о чем-то близком, хорошем и родном для каждого.

Все тематические разделы в учебниках объединяет лексико-семантический – идеологический – блок, в котором можно выделить несколько составляющих:

- лексемы – имена концептов, денотатами которых являются реалии, определяющие основные понятия формируемой идеологической картины мира: *Советская Родина, Ленин, Революция, 7 ноября, Первое мая;*

- лексемы – имена атрибутов, маркированные идеологически: *знамя, флажок, звезда, лозунги;*

- лексемы с перцептивным (цветовым, звуковым) значением, характерные для советской символической политики (под символической политикой понимается система знаков, внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования эффектов различного «перцептивного наполнения»): *красный, звонкий, громкий;*

– лексемы с эмотивным значением, определяющие отношение к *своим/чужим* в идеологической картине мира.

Стоит обратить внимание на некоторые закономерности формирования образа родной страны у учеников младших классов. Родина репрезентирована, в первую очередь, в ее политической ипостаси. Это не Россия «в классическом образе» – с её древностями и чудесами – это Советский Союз, представленный в частности новыми, советскими, революционными праздниками – Октябрьской революции (*Праздник Октября* и *День 7 ноября* – по новому стилю) и Первого мая.

Обратимся к примерам – в учебнике представлено поэтическое описание крупнейшего советского праздника – *Октябрьской революции (День Седьмого Ноября* по новому стилю) в поэтических текстах на русском (О. Высотская «Смотрите, весь город украшен...», Г. Браиловская «Ноябрь») и на украинском (М. Познаньска «Зрастуй, Жовтень») языках.

Для того чтобы идеологически маркированное слово стало привлекательным для адресата, оно помещается в определенное окружение. Важное и радостное событие уже в сильной поэтической позиции заглавия репрезентировано именем концепта – названием праздника: ***Праздник Октября, День Седьмого Ноября, Жовтень***, – который представлен не только «через эмоции» – как радостное и веселое, но и «через перцепцию» – как звонкое и яркое событие. Оформлены тексты и посредством эстетически привлекательных метафорических образов, в которых праздник представлен то как объект (*красный флаг – яркий цветок*), то как предмет сравнения (*осенняя заря – красный флаг*):

«Смотрите, весь город украшен,

Флажки, как цветы, расцвели.

Нам слышно из комнаты нашей,

Как трубы играют вдали.

Выше флаги красные!

Крикнем все – ура!

Мы сегодня празднуем

Праздник Октября»

(О. Высотская);

«Разгорайся флагом красным

Ты, осенняя заря!

К нам идёт большой наш праздник –

День Седьмого Ноября!»

(Г. Браиловская);

«Здрастуй, Жовтень!

Здрастуй, Жовтень! – наше свято,

перемоги ясний день!

Ти приніс для нас багато

Сонця, музики, пісень!

Прапори цвітуть червоні

По усій Країні Рад.

Ми ідемо у колоні,

Ми виходим на парад...

І під музику, під співи,

Що лунають на весь світ,

Ми веселі і щасливі,

До Москви шлемо привіт!»

(М. Познаньска).

Политическая лингвопрагматика умело ориентирована на возрастные особенности детей младшеклассников. В соответствии с возрастными характеристиками в текстах активно используются диминутивы:

В колонне яркой паренёк

В день праздника идёт,

И красный маленький флажок

Он бережно несёт.

(А. Алексин)

Максимально приближен к маленькому читателю и образ вождя – Ленин изображен не только как великий, особенный, но как родной и близкий человек: *дедушка Ленин; Ленин лучше всех на свете, великий и простой Ленин*. Активно используются в текстах лозунговые, афористичные формулы: *Ленин – лучший и людей, Ленин всегда живой!*

Особенно показательное использование в учебниках слов с семантикой цвета – цветописи. Весь окружающий ребенка книжный мир не случайно окрашен в красный цвет.

В формируемой идеологической картине мира представлена новая советская мифология, в образе революции обретшая соответствующую символику, один из главных элементов которой – колористика. Революция окрашивает свои знамена в новые цвета, отвергая прежнюю цветопись, и это правило практически не знает исключений. Красный цвет был социологизирован уже в первые годы советской власти. К восьмидесятым годам XX века в коммуникативной среде твердо закрепился фразеологический фонд, который включает достаточно большое количество идиом с идеологической нагрузкой, компонентом которых является слово *красный* (*красная армия, красный командир, красный флаг*).

В стихотворениях активно используются синтагмы, имплицитно или эксплицитно включающие представление о красном цвете. Стоит отметить практически одноименные стихотворения А. Барто, Н. Забины, Е. Благиной со знаковым названием «Флажок» («Прапорец»). Флажок здесь – элемент символической политики, атрибут образа Родины, который (образ) необходимо сформировать у малышей. Для формирования положительного образа концепта «Родина» в описании его атрибута – красного флажка – используются сходные языковые приемы – диминутивные формы, сочетания с прилагательными, имеющими явную положительную оценочность. Здесь сочетания *красный праздничный флажок, флажок как огонек* составляют предельно знакомый, понятный и положительный образ праздника.

*Сегодня солнышко печёт.
Сегодня праздник – Май.
Влезай, сынишка, на плечо
И флаг свой поднимай!
А через год пойдёшь пешком
С красным праздничным флажком.*

(А. Барто)

В этом стихотворении А. Барто поэтическими средствами передается важная для детского сознания информация о празднике 1 Мая:

1. О его сути: Май – это праздник, это семейный праздник (*сынишка*), это праздник, который празднуют с самых юных лет (*влезай на плечо*), это праздник, который ты обязательно будешь праздновать в будущем (*А через год пойдёшь пешком С красным праздничным флажком*);

2. О ценностной составляющей праздника: праздник теплый (*Сегодня солнышко печёт* – важна не только аналогия с солнышком, но и диминутивные формы – *солнышко, сынишка, флажок*).

Идеологическая суть праздника в этом и в других подобных (именно подобных!) стихотворениях не передается, но образ красного праздничного флажка как постоянного, важного и ценного атрибута окружающего мира, который познает ребёнок, уже зафиксирован в его сознании.

*«У малесенької Ліди
Є червоні прапорці,
І вона на свято піде
З прапорцями у руці.
Ой, як весело та ясно!
Тільки глянеш догори –
Тут і там червоні гасла
І червоні прапори!»*

(Н Забіла).

«У меня флажок в руке,

*Я теперь большая!
Мой флажок, как огонек,
Светится, играя»*

(Е. Благинина).

Таким образом, официальная идеология поощряет отдельных представителей художественной литературы участвовать в когнитивной настройке формирующейся личности и постулировании официальных практик властного субъекта эффективными средствами языка поэзии, что способствует формированию «идеологической картинки» в сознании советского школьника.

Выводы из главы 3

В предыдущих главах описана специфика формирования идеологического компонента политической картины мира посредством публицистического и художественного дискурсов. Важно отметить, что существует еще один значимый политический инструмент влияния на массовое коммуникативное сознание – система образования. Это мощный социокультурный инструмент влияния, охватывающий большое количество адресатов детского и юношеского возраста.

Анализ двух сходных дидактической направленностью книг советского времени – книги для детского чтения в дошкольных учреждениях «Родничок» (Киев: «Радянська школа» 1980) и учебника для второго класса четырехлетней начальной школы «Родное слово» (Москва: «Просвещение», 1989) – показал, что эти книги, изданные большим тиражом в течение десятилетия (80-е годы XX века) в центральных издательствах двух крупнейших республик Советского Союза, являются важными инструментами формирования политической картины мира советский детей, так как в них используется целый ряд специальных приемов. В этих учебниках, изданных в последнее десятилетие существования Советского Союза, широко представлены поэтические тексты советских авторов, формирующих положительный социалистический имидж, что вполне обоснованно с точки зрения политики существующей в то время официальной власти.

Идеологический блок включает несколько составляющих: лексемы – имена концептов, лексемы – имена атрибутов, лексемы с перцептивным (цветовым, звуковым) значением, характерные для советской символической политики, лексемы с эмотивным значением, определяющие отношение к *своим/чужим* в идеологической картине мира.

Исследовательское внимание было обращено на лингвистические характеристики образов Отечества, вождя и использование обозначений красного цвета как на инструменты формирования политической картины мира / идеологической составляющей. Для того чтобы идеологически маркированное слово стало привлекательным для адресата, оно помещается в определенное окружение.

В стихотворениях «Родничка» активно используются синтагмы, имплицитно или эксплицитно включающие представление о красном цвете. Формируется представление о вожде не только как о великом, особенном, но как о родном, близком, человеке. В противовес положительному образу вождя показаны представители «старой жизни» (царь, капиталисты и помещики, жандармы и полиция).

Концепт «Родина» представлен в политической ипостаси как Советский Союз с новыми советскими революционными праздниками. Для того чтобы идеологически окрашенное слово стало привлекательным для адресата оно помещается в определенное окружение. Активно используется идеологизация текстов на всей территории советского союза, что доказывает сравнение с украинскими текстами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда речь заходит о манипуляции общественным сознанием и, как следствие, о языковых манипулятивных стратегиях, то основным носителем этих стратегий по умолчанию и вполне справедливо считается публицистический дискурс. Во множестве лингвистических – филологических – работ публицистический дискурс анализируется как инструмент формирования и закрепления в массовом коммуникативном сознании идеологического компонента политической картины мира и как инструмент создания идеологически маркированного стереотипа *свои/чужие*.

Этот аспект является популярным в современных исследованиях не в малой степени вследствие того, что подразумевает очень прозрачный с лингвистической точки зрения и выразительный публицистический материал – будь то статья на политическую тему или речи политических деятелей.

Однако публицистический дискурс – это лишь один из щупальцев громадного политического монстра, который выбрасывает в коммуникативную среду тщательно приготовленную языковую смесь, оформленную в разных текстовых разновидностях и в разных жанровых вариантах. Если перевести с языка метафоры, то монстр этот – очень показательный в аспекте полноценного диахронического исследования продуцирования подобных манипулятивных стратегий советский политический дискурс, ограниченный пространственно и во времени – 70 лет.

Можно назвать еще как минимум два «щупальца» – институциональные дискурсивные формации, которые в советское время планомерно реализуют манипулятивные стратегии дискурса власти – художественный и педагогический. Если политический дискурс – это лингвопрагматический исток манипулятивных стратегий, названные дискурсивные формации – путь для соответствующих идеологически заряженных текстов, то конкретный ин-

струмент воздействия – текст, созданный по особым правилам. Сегодня мы обратимся к поэтическому – агитационному – тексту.

Выбор не случаен – для него есть несколько причин:

1) поэтические тексты обладают воздействующей энергией вследствие особой ритмико-графической и фонетической организации – ритмико-мелодической форме;

2) поэтические тексты включаются как текстовый элемент в любую из названных дискурсивных формаций – не только органично функционируют как часть художественного дискурса, но активно используются в педагогическом и публицистическом дискурсах;

3) за поэтическим текстом, как правило, стоит яркая языковая личность, непосредственно участвовавшая в формировании социалистического имиджа, что определяет доверие адресата к информации, в этом тексте заложенной.

Стоит ограничить описание манипулятивного воздействия на сознание человека периодом когнитивной настройки (по Кравченко), суть которой заключается в том, что «организм постепенно встраивается в среду, вступая во все более расширяющийся круг разнообразных взаимодействий с компонентами среды, характеризующихся каузальной взаимообусловленностью» то есть именно в тот период, когда в сознании личности формируется базовый компонент идеологической картины мира. [Кравченко 2001: 209]. Именно когнитивная настройка знаменует начало накопления опыта, по мере которого формируется прототипическая сложная репрезентация, или концепт.

Используя такие мощные социокультурные инструменты влияния, как система образования и масс-медиа, официальная идеология поощряет отдельных представителей художественной литературы участвовать в когнитивной настройке формирующейся личности и постулировании официальных практик властного субъекта эффективными средствами языка поэзии.

Поэтический дискурс является социальным феноменом, который, реализуясь в коммуникативной среде, испытывает влияние самых разнообраз-

ных экстралингвистических факторов, в частности, воздействие дискурса политического.

Одним из значимых инструментов дискурсивного воздействия является символическая политика – система средств влияния на получателя для создания необходимой идеологической картины мира.

Экстралингвистические факторы могут по-разному воздействовать на поэтический дискурс – как косвенно, например, вследствие изменения (идеологизации) семантики слова, которое включается в агитационные тексты, так и прямо – через использование в тексте идеологически окрашенной лексики и изменения структуры отдельных концептов.

В поэзии советского времени происходит трансформация концептосферы. Так, представление о святой Родине – Руси, России в «идеологически заряженных текстах» сменяется представлением о Советской Родине, имеющей соответствующую атрибутику.

Под влиянием политического воздействия нередко видоизменяется основная функция поэтического текста – традиционная эстетическая трансформируется (дополняется) в дидактическую.

Поэтическая рефлексия по отношению к политической ситуации занимает разное место в идиолектах поэтов советского периода. Особенно значима для формирования массового коммуникативного сознания идеологизация поэтических текстов детской литературы.

Властный дискурс использует поэтический текст как элемент воздействия на массовое коммуникативное сознание, пропуская его через идеологический фильтр. Наш междискурсивный подход предполагает системное описание закономерностей идеологизации текстов. На примере описания специфики функционирования одного из дискурсов – поэтического – мы попытались рассмотреть, каким образом дискурс власти оказывает влияние на массовое сознание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Архетипы / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира: энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т.1. – С. 110–111.
2. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М., 2005.
3. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1995. – С.66.
4. Аристотель Политика / Аристотель // Сочинения: В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
5. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1973. – 295 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // ЛЭС. – М., 1990. – С.136–137.
7. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
8. Балашова, Л. В. Прецедентные феномены политического дискурса в современных русских социолектах / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 34–42.
9. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О., Михайлов, М. Н. Интерпретации национальной идеи в политическом дискурсе / А.Н. Баранов [и др.] // Россия в поисках идеи. Анализ прессы. – М., 1997.
10. Бирвиш, М. Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 177–199.
11. Брутян, Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1976. – С. 57–64.

12. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // НДВШ «Философские науки». – 1973. – № 1. – С. 108–109.
13. Буров, А. А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира / А.А. Буров. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361 с.
14. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсбергер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
15. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
16. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С.350–372.
17. Галиева, М. Р. Когнитивный принцип бинарность в религиозной картине мира / М.Р. Галиева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С.56–64.
18. Гончаренко, С. Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод / С.Ф. Гончаренко // Поэтика перевода: Сборник. – М.: Радуга, 1988. – С. 100–111.
19. Григорьев, В. П. Поэтика слова: дисс. ... д-ра филол. н. / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
20. Губский, Е. Ф. Картина мира // Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский. – М.: Инфра-М, 2003. – 576 с.
21. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
22. Гюнтер, Х. Поющая родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) / Х. Гюнтер // Вопросы литературы. – 1997. – № 4. – С. 46–61.
23. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (Даль): В 4 т. / В. Даль. – М.: Terra-Кн. клуб, 1998.

- 24.Иванов, С. Ю. Всеобщее, особенное, единичное в структуре картины мира: философский анализ: автореф. дис. ... д. философ. н. / Иванов С. Ю. – Магнитогорск, 2012. – 29 с.
- 25.Игнатова, Е. М. Концепт РОДИНА в идеологическом дискурсе: автореф. дис. на соиск. ... к. филол.н. / Е. М. Игнатова. – М., 2008. – 20 с.
- 26.Кабановская, Е. Ю. Психолингвистические механизмы выражения эмоций в картине мира личности: дис. ... канд. психол. наук / Е. Ю. Кабановская. – Чита, 2004. – 197 с.
- 27.Кравченко, А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск, 2001. – 209 с.
- 28.Кричун, Ю. А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики: дис. ... канд. филол. н. / Ю. А. Кричун. – Краснодар, 2011. – 172 с.
- 29.Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б.А. Ларин. – Л.: Худож. лит., 1974. – 286 с.
- 30.Маковский, М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. – М.: Институт русск.яз. им. В.В. Виноградова, 1996. – 330 с.
- 31.Маланчук, И. Г. Роль языковой картины мира в политической коммуникации: дис. ... канд. психол. н. / И. Г. Маланчук. – М., 1998. – 255 с.
- 32.Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: дис. ... д-ра филос. н. / В. Д. Мансурова. – Барнаул, 2003. – 275 с.
- 33.Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
- 34.Маслова, Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: автореф. дис. ... д. филол. н. / Маслова Ж. Н. – Тамбов, 2011. – 44 с.
- 35.Некрасов, С. И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник / С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289

с.

- 36.Новикова, Н. С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // НДВШ «Филологические науки». – 2000. – № 1. – С. 40–49.
- 37.Новикова, А. М. Содержание языковой картины политического мира / А.М. Новикова // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 111–113
- 38.Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. Изд-е 2-ое. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
- 39.Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С.П. Поцелуев // Политические Исследования, 1999. – № 5. – С. 62–75.
- 40.Родничок: кн. для чтения в дошкол. учреждениях. – Киев: «Радянська школа», 1980. – 240 с .
- 41.Родное слово. Учебник по чтению для учащихся 2 класса четырехл. нач. школы. – М.: Просвещение, 1988. – 230 с.
- 42.Самаркина, И. В. Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: дис. ... д. полит. Н. / И.В. Самаркина. – М., 2013. – 360 с.
- 43.Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н Самаркина.– СПб: Наука, 1993. – 152 с.
- 44.Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты дис. ... д. филол. н./ Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2004. – 323 с.
- 45.Соколовская, Т. Б. Языковая личность политического лидера: На материале газет новейшего времени: дис. ... канд. филол. н. / Соколовская Т. Б. – СПб., 2002. – 156 с.
- 46.Сохор, А. Н. Массовая песня / А. Н. Сохор // Музыкальная энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1976. – Т. 3. – Стлб. 476–477.

47. Терехова, Л. В. Аксиологические компоненты мировоззренческой картины мира современной молодежи России (теоретико-методологические основания исследования) / Л.В. Терехова // Экономика и социум: современные модели развития. – М.: Изд. дом «Наука», 2012. – С. 237–244.
48. Урысон, Е. В. Языковая картина мира VS Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В.Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.
49. Цуциева, М. Г. Институциональность языковой личности политика / М.Г.Цуциева // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. – 2014. – Сер.3. – Т. 1. – С. 136–141.
50. Черемисина, Н. В. Эстетический анализ художественного текста и подтекст / Н. В. Черемисина // Анализ художественного текста. – М., 1976.
51. Черемохина, Д. А. Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого): дис. ... канд. филол. н. / Д.А. Черемохина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2015 – 173 с.
52. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация /А. П. Чудинов – Екатеринбург: УрГПУ, 2009. – 292 с.
53. Чумак-Жунь, И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII - начала XXI веков дис. ... д. филол. н. / И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.– 309 с.
54. Чумак-Жунь, И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. / И. И. Чумак-Жунь. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.– 175 с.
55. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект / Д.В.Шапочкин. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – 260 с.
56. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. дис. ... д. филол. н. / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 49–50.

57. Шурыгина, Е. Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освещении / Е.Н. Шурыгина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т.1. - Вып. 3. – С. 184–187.
58. Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении семантики слов / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания, 1998. – №3. – С. 43–77.
59. Lasswell, H. Language of politics. Studies in quantitative semantics/ H. Lasswell, N. Leites. - N.Y.: Stewart, 1949. – 398 p.